

**УНИВЕРСИТЕТ – ДОЧЬ ДВУХ ОТЦОВ?
ИСТОРИЯ КАК АРГУМЕНТ В СУДЕ
И СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ
(ПАРИЖ, 1586 г.)¹**

Статья посвящена судебному процессу в Парижском парламенте по поводу вакантного места кюре одной из Парижских церквей, находящейся под патронатом Парижского университета. В этой тяжбе 1586 г можно найти зерна будущих коллизий между факультетом свободных искусств и факультетом теологии, между Сорбонной и Наваррской коллегией. Но эти скрытые конфликты отходили на второй план перед лицом общих врагов – ордена иезуитов или королевских чиновников, покушавшихся на университетские свободы и привилегии. Но главным полем битвы между двумя выдающимися адвокатами А. Луазелем и Л. Сервеном была история Парижского университета, в особенности – вопрос о том, кто является его основателем – король или папа. Постоянная апелляция к исторической традиции укрепляла социально-культурную общность университетской и судейской среды.

Ключевые слова: университет, история, парижский парламент, социальная и культурная идентичность, Франция, XVI век.

Об авторе: Уваров Павел Юрьевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, руководитель Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, профессор НИУ ВШЭ. 119334 Москва, Ленинский пр., 32-А, ИВИ РАН, ouprav@mail.ru.

С мая по август 1586 г. в Парижском Парламенте рассматривался процесс между двумя претендентами на место кюре церкви Сен-Ком-е-Сен-Дамиан (св. Космы и св. Дамиана), расположенной в университетском квартале Парижа. Университет обладал правом патроната над этой

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

- В данной научной работе использованы результаты проекта «Социальная мобильность, социальные связи, социальная идентичность в Российской империи», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

церковью, т. е. именно университет определял кандидата на должность ее кюре. Когда место становилось вакантным, одна из семи университетских корпораций², которой в этот раз выпадала очередь, номинировала своего кандидата и представляла его ректору. Ректор рекомендовал предложенного кандидата епископу, после чего претендент получал место кюре и поставлялся на приход, причем согласие церковных властей, включая римского папу, чаще всего оказывалось простой формальностью. В таком виде порядок назначения оформился в XV в., в период действия Буржской Прагматической санкции (1438 – 1516 гг.), и долгое время никем не оспаривался. Одновременно набирала силу и практика резигнации (*resignatio in favorem*), когда держатель церковного бенефиция еще при жизни передавал его другому лицу. В данном случае согласие римского папы было обязательным, ведь подобное деяние было близко к греху симонии (святокупства), а отпускать такой грех мог только папа. Несмотря на всеобщее недовольство, церковных резигнаций меньше не становилось, тем более что параллельно в стране укреплялась практика *vénalité des offices* – продажи королевских должностей, также дававшая возможность их резигнации другому лицу.

Спор о приходе: источниковая база

Летом 1585 г. скончался кюре парижской церкви Сен-Ком-э-Сен-Дамиан мэтр Клод Версорис, теолог, занимавший эту должность свыше полувека. Германская нация Парижского университета, чья очередь подошла выдвигать своего кандидата, назвала имя бакалавра теологии шотландца Жана Амильтона (Джона Хэмилтона или Гамильтона согласно русской традиции). Однако выяснилось, что покойный мэтр Клод Версорис ранее

² Парижский университет представлял из себя конфедерацию семи корпораций: трех «высших» факультетов (теологии, декретального права, медицины) и факультета свободных искусств, состоявшего из четырех наций-землячеств (французской, пикардийской, нормандской и германской).

совершил резигнацию в пользу мэтра Пьера Тенрие и этот акт был санкционирован римским папой. Начался процесс в суде первой инстанции – парижском Шатле (суде королевского прево Парижа), и 9 февраля 1586 г. дело было решено в пользу Тенрие. Амильтон, поддержанный университетом, подал апелляцию в Парижский Парламент, высший королевский суд.

По сути, был поднят вопрос о природе университета. Если его основал папа римский, а сам университет – церковная корпорация, то решение Св. Престола не могло быть оспорено. Если же университет основан королем и является корпорацией светской или смешанной (подобно тому, как Парламент состоял из советников-мирян и советников-клириков), то постановления понтифика относительно прав собственности (в том числе и права светского патроната над церковью) не имели законной силы.

В Парламенте сторону Амильтона представлял адвокат Луи Сервен, а сторону Тенрие – адвокат Антуан Луазель. Забегая вперед, скажем, что в итоге судьбы склонились на сторону шотландского теолога, причем, по всей видимости, решающую роль сыграл не столько ответ на вопрос о происхождении университета, но и выявленные процедурные нарушения, допущенные при резигнации церковного бенефиция. Однако дело получило резонанс именно как «триумф университета». Речь Луи Сервена на этом процессе, а также его ответ Антуану Луазелю были сразу же опубликованы³. В том же 1586 г. вышел сборник похвальных речей и стихов в честь участников процесса – судей Барнабе Бриссона и Ашиля Арле, адвоката Луи Сервена, составленных на латыни университетскими докторами (в первую очередь самим Амильтоном), а также представителями ведущих парижских университетских коллегий, прославлявших

³ *Servin L.* 1586.

победу университета⁴. Позже эти выступления публиковались в сборниках избранных речей Луи Сервена⁵.

Антуан Луазель также опубликовал извлечение из своей судебной речи, дав ему характерное заглавие: «О Парижском университете и о том, что он является [учреждением] более церковным, чем светским»⁶. Впоследствии этот текст также входил в состав его избранных трудов⁷.

Процесс запомнили и те, кто интересовался историей университетов, и ученые-юристы. О нем говорили правоведы, специализировавшиеся на судебных постановлениях («арестографы»). Жан Шеню включил речи Лаузеля и Сервена (однако без ответной речи последнего) в число избранной сотни «важных и любопытных вопросов права, разрешенных памятными постановлениями суверенных судов Франции, часть из коих была произнесена в красных мантиях»⁸. Еще ранее, в 1596 г., об этом процессе упоминалось в издании Луи Ле Карона Ле Шаронда⁹. Сведения о нем приводились также в сборниках Жана Турне¹⁰ и Клода де Ферье¹¹.

Прежде чем приступить к анализу речей двух адвокатов, обратим внимание на существенное различие имеющихся в нашем распоряжении источников. Сервен полностью опубликовал содержание своей судебной речи («Playdouyé...») и ответа оппоненту

⁴ [Hamilton J.]. 1586.

⁵ В руанском издании 1629 г. речь Сервена предварялась латинскими виршами, сочиненными Амильтоном и его племянником (*Servin L.* 1629, 242-287).

⁶ *Loysel A.* 1587.

⁷ *Loysel A.* 1605, 346-377.

⁸ *Chenu J.* 1603, 51-113. Тот факт, что некоторые из памятных постановлений (*arrests memorables*) были произнесены в красных мантиях (*en robe rouge*), указывал на их важный характер: судьи надевали парадные облачения в особо трудных случаях, когда понимали, что своим решением создают важный прецедент.

⁹ *Le Caron Le Charondas L.* 1596, 721-731 (*Liv. 7. Reponse* 195).

¹⁰ *Tournet J.* 1631, 1269-1273.

¹¹ *De Ferrier Cl.* 1686, 18-21.

(«Replique...»). Луазель же издал лишь извлечение из своей речи («Extract...»), по объему уступающее текстам Сервена почти в 4 раза и посвященное практически одному вопросу – происхождению и природе университетской корпорации. Тексты Сервена изобилуют повторами, в них затронуты многие темы: адвокат прославляет своего клиента-шотландца, перечисляет заслуги его соотечественников перед Францией, описывает ошибки и злоупотребления, допущенные Версорисом и Тенрием при резигнации, дает экскурсы в область бенефициального права и проч. Причем из пассажей Сервена, пытавшегося опровергнуть те или иные тезисы своего оппонента становится ясно, что и Луазель атаковал противника сразу по многим направлениям.

Первая речь Сервена

После похвалы ректору и заверений в своей сыновей почтительности к университету Сервен в своей речи кратко излагает суть дела: «25 августа 1585 г. скончался предыдущий кюре церкви Сен-Ком-э-Сен-Дамиан, уже на следующий день германская нация¹², которой выпала тогда очередь занимать вакантные бенефиции, собралась в зале обители Сен-Матюрена¹³, и прокурор нации назвал ректору имя Жана Амильтона для поставления его на приход. Ректор предста-

¹² Некогда эта нация именовалась английской, но во время Столетней войны название изменилось. Шотландцы входили в это землячество как особое «племя» – триба. Примечательно, что хотя союз четырех наций образовывал факультет искусств, они продолжали считать своими и тех, кто учился или преподавал на «высших» факультетах. Так, Амильтон был бакалавром теологии, но номинировался не этим факультетом, именно как шотландец – германской нацией факультета искусств.

¹³ Подворье ордена тринитариев располагалось в самом сердце университетского квартала. Свое название обитель получила по расположенной на ее территории часовне св. Матюрина. Зал обители обычно служил местом проведения различного рода университетских ассамблей.

вил Амильтона архидиакону Жозаса¹⁴, и 29 августа викарий парижского епископа провел церемонию интронизации. Но этому воспротивился Пьер Тенрие»¹⁵.

Перечислив достоинства своего клиента Жана Амильтона, прекрасно знавшего не только латынь, но и французский, снискавшего честь быть наставником будущих кардиналов Бурбона¹⁶ и Жуайёза, и рукоположенного в 1581 г. в Париже «епископом Глазго»¹⁷ (главой шотландских католиков в изгнании), Сервен воспел «общеизвестную святость шотландской нации». В пространным историческом экскурсе адвокат рассказал о заслугах шотландцев перед французской короной: от «ученых Алкуина, Иоанна Скотта и других, кто прибыл по призыву Карла Великого и его преемников нести во Францию свет образованности», до военной помощи шотландцев в войнах против Англии, подкрепленной династическими союзами¹⁸.

Обосновывая законность права патроната университета над приходом Сен-Ком-э-Сен-Дамиан, Сервен обращается к прошлому и напоминает, что в 1345 г. между аббатом монастыря Сен-Жермен-де-Пре и Парижским университетом был заключен договор. Университет тогда владел правами на луг Пре-о-Клер, граничивший с аббатством. Аббат, предпринявший работы по ремонту укреплений своего бурга¹⁹, остро нуждался в

¹⁴ Архидиаконат Парижа в силу необычайно большого размера был поделен на две части (менсы). Левый берег и вся территория, располагавшаяся к югу от Парижа, входила в архидиаконат Жозас, север относился к архидиаконату Дю-Мениль. В описываемый период архидиакон Дю-Мениля являлся викарием епископа Парижа.

¹⁵ *Servin L.* 1639, 192.

¹⁶ Речь идет, разумеется, не о кардинале Шарле I Бурбоне (1523 – 1590 гг.), а о его племяннике Шарле II Бурбоне, кардинале де Вандом (1562 – 1594 гг.).

¹⁷ На самом деле в Глазго кафедра архиепископа.

¹⁸ *Servin L.* 1639, 192-193.

¹⁹ Обновить ров и стены в кратчайшие сроки и не скупясь на расходы требовала беспокойная обстановка Столетней войны.

том, чтобы получить права на часть луга, куда можно было выкинуть мусор и ил, вычищенный из крепостного рва. В обмен за уступленную территорию аббат выплачивал университету небольшую ренту и, «желая остаться союзником университета», передал право патроната над тремя церквями, ранее находившимся под юрисдикцией аббата: Сен-Жермен-ле-Вьё, расположенной в Сите, и Сент-Андре-дез-Ар и Сен-Ком-э-Сен-Дамиан, находившихся на Левом берегу. С тех пор университет пользовался правом самому выбирать достойных кандидатов для поставления на приходы²⁰. Сервен подчеркивал, что выдвижение кандидатур осуществляет не каждый факультет по отдельности, но университет *in corpore*²¹, строго должна соблюдаться очередность: сначала представляют три «высших» факультета (теологии, декретального права, медицины), затем четыре нации факультета свободных искусств (французская, пикардийская, нормандская и германская).

Сервен дает некоторые пояснения о том, каким образом церковь, находившаяся под университетским патронатом, на протяжении трех поколений оставалась в распоряжении представителей семьи Версорис. Резиgnации и обмен бенефициями давали возможность занимать приход Сен-Ком-э-Сен-Дамиан сначала доктору теологии Гийому Версорису (с 1524), а затем доктору декретального права Клоду Версорису (с 1532). Последний, пробыв кюре не один десяток лет, намеревался передать приход своему племяннику Николя де Люиню, однако тот был еще молод и не обладал должными степенями. Поэтому в 1583 г. Клод Версорис совершил резиgnацию в пользу Пьера Тенрие, который являлся кюре сельского прихода и при этом был воспитателем Николя де

²⁰ *Servin L.* 1639, 192.

²¹ Л. Сервен ссылается на правоведов Бальдо и Ребюфи, но об этом в его время писали многие, например, Жан Папон: «L'université générale a droit de nommer & non chacune particulière faculté» (*Papon J.* 1583, 134).

Люиня. Причем акт резигнации был формально представлен как обмен бенефициями между Версорисом и Тенрие. Очевидно, что в дальнейшем место кюре церкви Сен-Ком должно было вернуться в руки семейства Версорис. В этом ни адвокат, ни судьи не видели ничего предосудительного, если бы не были нарушены права университета, не поставленного в известность об этой сделке (тогда как и в 1524 и в 1532 г. Версорисы получали университетские разрешения на то, чтобы занять приход Сен-Ком-э-Сен-Дамиан).

Право сеньора осуществлять патронат над церковью и выбирать для нее священника казалось настолько очевидным, что папа, по мнению Сервена, был просто напросто введен в заблуждение Пьером Тенрие, не мог понтифик дать ему соизволение (*derogatio*)²², как не мог он и распоряжаться чужим имуществом. Право патроната так глубоко укоренилось, что его соблюдали даже в странах, переживших Реформацию²³. Но если бы патрон был, например, аббатом или епископом, тогда решение папы было бы непререкаемым. Рассматриваемый случай был другим. И Сервен взялся доказать, что в данном случае патронат носил светский характер. Для этого он проводит дистинкцию, разделяя персональный и реальный (или же личный и вещный) аспекты патроната.

Можно ли говорить о церковном характере персоны, в данном случае – университета, представляемого ректором? Ректоры выбирались из числа магистров фа-

²² Этот термин можно переводить как «снисхождение, дозволение закрыть глаза на некоторое небольшое нарушение правил». Сервен несколько раз возвращается к мысли о неведении папы, ибо тот «любит школы и образованность и не выдает соизволения в ущерб общему благу и к выгоде частного лица» (*Servin L. 1639, 201*).

²³ В Англии даже лорды, сохранившие верность католицизму, имели право выбирать кандидатуру священника для англиканских церквей, расположенных в их манорах (см.: *Серегина А.Ю. 2013, 104-123*).

культета искусств. Даже если некоторые из ректоров и имели тонзуру, принадлежность к церкви не являлась для них необходимым условием. «Мы узнаем из Книги ректора²⁴, что в торжественной присяге, произносимой при вступлении в должность, он [ректор] клянется в том, что будет верно исполнять ее к чести университета и факультета искусств, состоящего в первую очередь из мирян», – пишет Сервен²⁵. Да, ректор клянется отстаивать церковные свободы и поддерживать позицию университета на Вселенских соборах. Но ведь, и король не становится духовным лицом после того как на коронации клянется быть верным сыном церкви и оберегать ее права. Так, магистры искусств при получении степени клянутся всю жизнь соблюдать привилегии и статуты университета, не выдавать секретов университета, соблюдать мир между «артистами» и теологами, и, главное, подчиняться ректору и прокурорам своих наций. Но они не присягают церковным иерархам и не дают обета безбрачия. Адвокат приводит современные ему примеры женатых магистров–преподавателей факультета искусств и говорит о том, что женатых можно найти и среди докторов факультета декретального права (преподавательско-студенческий состав этого факультета был смешанный). В результате преобразований кардинала Гийома д’Эстутвиля (1452), отменившего целибат для медиков, факультет медицины получил еще более выраженный мирской характер²⁶. Таким образом, чисто кле-

²⁴ Так называли сборники копий важнейших грамот или извлечений из них, содержавших важнейшие университетские привилегии и положения уставов. Эта книга передавалась от одного ректора к другому. Подобные книги были у прокуроров университетских наций и у синдиков трех «высших» факультетов.

²⁵ *Servin L.* 1639, 197.

²⁶ Речь шла об изменении университетских статутов по указанию папского легата кардинала Гийома д’Эстутвиля, в результате доктора и студенты факультета медицины освобождались от обета безбрачия. Предусматривалось также установление более жесткого контроля светской власти над университетом (отмена

рикальным в университете остается лишь факультет теологии. Хотя и здесь далеко не все приняли священнический сан, факультет теологии – церковный, поскольку его большинство составляют клирики. Но именно поэтому можно заявлять о светском характере университета, поскольку на одного теолога приходится пятьдесят мирян, представляющих другие факультеты. «Слава, которую теологи принесли Парижскому университету, неоспорима, но для определения характера корпорации, – отмечает Сервен, – надо принимать во внимание множество частей, образующих единство»²⁷.

Конечно, признает Сервен, свобода академических выборов подтверждена папскими буллами, но это не лишает короля титула отца и покровителя университета. Утверждать противное было бы бесчестьем для памяти Карла Великого, издавшего столько законов о школах. Всем известно, замечает адвокат, что Людовик Благочестивый, продолжал поддерживать школы и сохранил три школы, основанные отцом – в Париже, Падуе и Павии. Сервен повествует об особых заслугах Карла Лысого перед Парижским университетом. Упомянув о высоком уровне образования королей Людовика Заики, Карломана II и Роберта Благочестивого, адвокат перечисляет привилегии, полученные университетом, начиная с Филиппа II Августа (1200). В длинном списке королей Сервен выделяет Филиппа V, при котором, «как свидетельствует история», университет прибывал в цветущем состоянии. При Франциске I и Генрихе II университет был поднят на недостижимую высоту, получив новые привилегии, которые были подтверждены нынешним королем Генрихом III.

Однако, по мнению адвоката, все слова излишни, коль скоро университет уже признан решениями Парламента светской корпорацией. Постановления от 3 июля

права сецессии (учебной забастовки), сокращение количества коллегий, распространение на университет юрисдикции Парламента).

²⁷ *Servin L.* 1639, 198.

1567 г. и от 5 сентября 1573 г. создают прецедент, ясно указывающий на то, что церковные власти не могут претендовать на права светского патроната²⁸.

Обращаясь к «вещному» аспекту тяжбы, Сервен напоминает, что право патроната обретается путем возведения церкви на своей земле, а также в результате дарения либо обмена (точнее – перемещения по взаимному соглашению, *permutatio*). В 1345 г. аббат монастыря Сен-Жермен-де-Пре и ректор университета совершили такой обмен, и папа Климент VI его одобрил. Но даже и без папского одобрения сделка являлась законной. Любая церковь, утверждал адвокат, по каким-либо соображениям (например, при необходимости обеспечить защиту от врагов) может уступить права на сбор десятины светскому лицу, и согласия папы на это не требуется. Поэтому никакой симонии в этом акте адвокат Луи Сервен не видит. Он ссылается на прецедент недавнего «постановления, произнесенного в красных мантиях», согласно которому новый покупатель земель в королевском домене Шони, 200 лет назад дарованных королем церкви, но проданных теперь по эдикту об отчуждении церковных имуществ²⁹, должен вновь платить оброк королю, раз монарху вновь вернулись старые права на его домен. Ситуация с церковью Сен-Ком-э-Сен-Дамиан аналогична этой. Ведь король Хильперик некогда подарил свою землю основанному им аббатству Сен-Жермен-де-Пре. После обмена земля и стоящая на ней церковь вновь вернулась к королю, источнику всех привилегий университета. Никакие «соизволения» папы в данном случае не имеют силы, поскольку университет

²⁸ Сервен ссылается на решения по делу о капелле, основанной в обители матюринцев, и о капелле при церкви Сент-Андре-дез-Ар. В обоих случаях папское разрешение не признавалось как имеющее достаточно силы, чтобы оспорить права университета.

²⁹ В период религиозных войн церковь дала согласие на отчуждение части своих доходов и имуществ для погашения государственного долга (см.: *Cloulas I*. 1958, 5-56).

владеет правом патроната не по его милости, а согласно общему праву и в соответствии с соглашением 1345 г. Если же акт резигнации признают законным, это будет означать потерю университетом права патроната, поскольку обмен бенефициями не может производиться без согласия светского патрона. Сервен ссылается при этом на первую часть ордонансов короля Альфонса IX, «называемых Партидами»³⁰. «Но мы не уступаем испанцам ни оружием, ни благочестием. И наш государь выше других государей как христианнейший, наикатолический король, старший сын апостолической Римской церкви... Но нам позволено защищать права нашей церкви и привилегии университета и, поддерживая их, мы защищаем лишь то, что было подтверждено конкордатами, согласно которым папа обещал хранить вольности галликанской церкви, в том числе привилегии университетов. Меч государя и меч духовный не должны покушаться друг на друга»³¹.

В выступлении Сервена можно найти немало аргументов исторического свойства. Адвокат чаще всего апеллирует к общеизвестным представлениям, и лишь изредка, чтобы использовать непривычный ракурс изложения своих тезисов, обращается к малоизвестным деталям. Рассуждая о шотландцах при дворе Каролингов, он, по-видимому, опирается на «*Historia Gentis Scotorum*» Гектора Боэция (1465 – 1536 гг.), шотландского гуманиста, учившегося в Париже и немало сделавшего для процветания Абердинского университета. В остальном он оперирует элементами университетской «доксы», полагавшей Карла Великого основателем университета³². Некоторые подробности интересуют Сервена лишь тогда, когда он разбирает обстоятельства соглашения 1345 г. В то же время он часто опирается на юридиче-

³⁰ Речь идет о Семи партидах (*Siete Partidas*) – своде законов кастильского короля Альфонса IX Мудрого, составленного между 1256 и 1265 гг.

³¹ *Servin L.* 1639, 202-203.

³² *Lusignan S.* 1999, 225-246.

ские тексты – папские декреталии, Прагматическую санкцию Людовика Святого, Буржскую прагматическую санкцию, Семь партий, труды глоссаторов и канонистов, постановления Парламента. Доказательство королевского происхождения университета на этом этапе представлялось Сервену всего лишь одной из задач, притом не самой важной (хотя бы в силу своей самоочевидности).

Речь Антуана Луазеля

Тем смелее представляется демарш Луазеля, который, по сути, впервые открыто поставил под сомнение «каролингский миф» об основании университета и главным местом судебного поединка избрал поле исторической критики. Проиграв процесс, он тем не менее полагал, что по части исторических аргументов победа осталась за ним, иначе бы, наверное, не стал публиковать текст своего выступления.

Не расточая ожидаемых заверений в почтительности университету, Луазель начинает с критики расхожей идеи, будто университетская корпорация была основана Карлом Великим и поэтому именуется «дочерью наших королей»³³. Адвокат настаивает на том, что это не более, чем поэтический образ, ведь если французского короля называют верным сыном церкви, это не означает, что королевство основано римским папой. Если же говорить о временах Карла Великого, то ни из заметок авторов анналов о соборах, созываемых Людовиком Благочестивым, ни из посвященного Карлу Лысому предисловия к Житию св. Германа не следует вывод об основании университета. Эти басни, как отмечает Луазель, взяты у Винцента из Бове, жившего в XIII в. Зато секретарь Карла Великого, Эйнхард, ставивший своей главной задачей прославить любовь императора к наукам, ничего про университеты не писал. И даже говоря об Алкуине и Петре Пизанском, Эйнхард ни слова не упомянул об их роли в создании университета. Невероятно, замечает

³³ *Loisel A.* 1605, fol. 1v.

Луазель, чтобы Эйнхард не заметил такое замечательное событие или забыл о нем. И дальше адвокат горько усмехается: «... почти всегда, когда, не зная истоков истории институции, пытаются доказать древность ее происхождения, обращаются к эпохе Карла Великого. Мы можем видеть это на примере небылиц, наподобие происхождения 12 пэров Франции, из которых сделали палладинов императора»³⁴.

Луазель демонстрирует новый подход к истории – вместо повторения расхожих истин, привлекаемых в качестве аргумента в судебном споре, он предлагает критическое почтение исторических свидетельств. Указание на 12 пэров проливает свет на источник заимствования. Друг и единомышленник Луазеля адвокат Этьен Паскье к тому времени уже опубликовал первый том своих «Разысканий по истории Франции», где о пэрах Франции говорилось то же и теми же словами, что и в судебной речи Луазеля³⁵. Талантливый юрист, Этьен Паскье был представителем первого поколения историков-эрудитов. Помимо прочих заслуг ему принадлежит слава разрушителя «каролингского мифа». Именно его мнение с дословными заимствованиями из «Разысканий...» приводится в конце XVII – начале XVIII вв. в статьях «Университет» в словарях Ля Фюретьера и Треву. Он убедительно показывает источник ошибки – компиляцию Винсента из Бове³⁶.

Подавляющее большинство исторических аргументов Луазеля можно найти в более развернутом виде у Паскье. Значит ли это что Луазель выступил в роли компилятора или даже плагиатора? Все не так просто. Ведь первая публикация данного пассажа относится к изданию 1590 г., а в дополненном виде «Разыскания...» Паскье выйдут лишь после его смерти. Таким образом, Луазель выступает скорее в роли популяризатора, впервые знакомя широкую публику с концепцией Паскье.

³⁴ *Loisel A.* 1605, fol. 3v.

³⁵ *Pasquier E.* 1581, 90.

³⁶ *Pasquier E.* 1621, 261, 801.

Однако не исключено, что Луазель мог рассматривать себя в роли соавтора. Оба адвоката не просто дружили, но вели интенсивную переписку. И в 1602 г. свое произведение, посвященное истории адвокатского «сословия», Луазель назовет «Паскье, или Диалог адвокатов Парижского Парламента»³⁷. В этом сочинении «завязкой» служит знаменитая забастовка адвокатов Парижского Парламента: во время вынужденного безделья молодые коллеги обращаются к Паскье с просьбой рассказать о происхождении и истории «сословия» адвокатов. Луазель от имени Паскье предлагает любопытный исторический экскурс «реферируя» его к тому времени уже многотомное историческое сочинение, но вставляя и свои собственные мысли³⁸. Таким образом, речь может идти и о своеобразном соавторстве.

Образованность всегда была в чести в Галлии, и Луазель признает, что в эпоху «первой молодости» церкви императоры занимались делами школ, равно как и другими вещами, которые позднее станут прерогативой церкви. Однако уже при Хлодвиге забота о школах находилась в руках церкви, прежде всего местных епископов и аббатов, которым мы обязаны сохранением книг, образованности и наук. В ту пору не существовало иных школ кроме церковных и монастырских, и потому словом «клирик» именовали любого образованного человека. Руководители соборной школы, «схоластики», пользовались особым почетом, часто становясь епископами или аббатами. Славу Парижу принесла школа при соборе Нотр-Дам, а также школы при коллегиальных церквях Сент-Оноре, Сент-Мери, Сен-Марсель, в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре и, особенно, в аббатстве Сен-Виктор, обители, основанной регулярными канониками при короле Людовике Толстом. Школа аббатства Сен-Виктор прославилась добродетелями и знаниями учнейших мэтров Гуго, Адама и Ришара. Луазель вспоминает и об усилиях

³⁷ *Loisel A.* 1844.

³⁸ *Yardeni M.* 1966, 481-507; *Уваров П.Ю.* 2013, 363-389.

других магистров и, прежде всего, Петра Абеляра, сделавшего парижскую образованность известной во всем христианском мире. Изобилие школ и наплыв все новых ученых, в конце концов, способствовали созданию прекрасного большого университета в правление Людовика Молодого. Именно в это время, а не ранее начинается слава Парижского университета, хотя еще не существовало ни статутов, ни коллегий, в школах царил беспорядок. Среди профессоров и студентов, представителей разных народов, часты были ссоры и заговоры (Луазель приводит пикантные подробности, цитируя хронику Иакова Витрийского). Чтобы избежать вражды и распространения ереси, решено было объединить всех штудирующих в союз, создать для них единый устав, регламентирующий одежду, характер лекций, диспутов, похоронных процессов и т.д. Эти и прочие вещи мы и сегодня можем найти в книгах университета. «Я не сомневаюсь, что решающую роль в этом сыграл Петр Ломбардский, чью память ежегодно отмечают бакалавры теологии, собираясь в церкви Сен-Марсель, где он похоронен»³⁹.

При папе Иннокентии III для редактирования статутов была назначена комиссия из 8 магистров. Это не означало, что короли больше не хотели поддерживать университет. Так, Филипп II Август причислил студентов к клирикам, распорядившись, чтобы они были подсудны только епископу. С тех пор парижские прево, принося присягу, клялись соблюдать привилегии университета. Как свидетельствуют хартии, Филипп II Август заботился о безопасности размещения студентов и по просьбе Иннокентия III велел обнести стенами квартал, который с тех пор назывался университетским. Итак, подводит итог Луазель, образованностью Париж славился и до Карла Великого, но университет, состоя-

³⁹ *Loisel A.* 1605, fol. 13; это дословное заимствование у Э. Паскье, позже оно будет столь же дословно цитироваться в словарях Ля Фюретьера и Треву.

щий из факультетов и наций, имеющих свои регламенты и статуты, появился позже – всего лишь 400 лет назад.

Обосновав церковное происхождение университета, адвокат переходит к доказательству его церковного характера. Главой университета являются теологи, самые давние хозяева парижских школ. «Ибо какую бы власть позже ни давали бы ректору, главные почести и слава всегда воздавались Теологии»⁴⁰. Все торжественные акты в жизни университета совершает декан факультета теологии, он выступает рядом с ректором, предваряемый своим педелем. Именно декан теологов и есть постоянный ректор, а тот, кого так называют, «является, можно сказать, скорее сновидением, магистратурой, существующей лишь в воображении, чьи полномочия длятся лишь миг, некогда от одного месяца до шести недель, а затем три месяца». Кроме книг по теологии на этом факультете читают книги по физике, диалектике и прочим искусствам, осуществляя их цензуру. Все факультеты подчиняются этому, как члены подчиняются голове. И такой порядок, соблюдается всеми профессорами и магистрами уже добрых триста лет. Кроме того, большинство из членов университета – от мэтров факультета свободных искусств до принципалов коллегий – не могут вступать в брак. К ним надо прибавить теологов – представителей как секулярного, так и регулярного духовенства. На другой чаше весов будут лишь три-четыре декретиста, недавно ставшие лиценциатами, и несколько медиков, которые были освобождены от обета безбрачия «в силу реформации или лучше сказать деформации кардинала Тутвиля»⁴¹. Таким образом, заключает адвокат, очевидно, что большинство членов университета – клирики.

Но подобные доказательства даже излишни, говорит Луазель, ведь студенты считаются клириками в соот-

⁴⁰ *Loisel A. 1605, fol. 19v.*

⁴¹ «reformation ou plutost difformation de Cardinal de Touthville» (*Loisel A. 1605, fol. 20v.*)

ветствии с королевскими ордонансами: на студентов распространяются все привилегии лиц духовного звания. «Университет сохранил эти привилегии, а наши противники хотят отобрать их, лишить университетских людей надлежащих им именований, одежды, головных уборов, а заодно и луга Пре-о-Клер»⁴².

Адвокат уверяет, что поняв, в чьей юрисдикции находится университет, легко будет решить вопрос о том, кому он подчиняется. Верховными судьями для всех университетов и их коллегий являются скорее епископы и папы, чем короли и светские правители. Так, Парижский университет признает своим главой только римского папу: Иннокентий III взял эту школу под особую защиту, запретив епископу Парижскому отлучать магистров и студентов. Далее адвокат перечисляет понтификов, которые так или иначе регламентировали деятельность университета, – от Гонория III, запретившего изучать в университете римское право, до Урбана VI, взявшего под свою защиту ректора Жана Ронса, преследуемого герцогом Орлеанским, регентом Франции (1381). Кроме того, Св. Престол даровал Парижскому университету право занимать треть от всех вакантных бенефициев⁴³. Таким образом, университет всем обязан римским папам и считает их своей высшей властью, во всех посланиях указывая имя папы и год его понтификата.

Луазель перечисляет доказательства церковного характера университета. Реформами в университете всегда занимался папский легат, а не светская власть. Ординарным судьей (судьей первой инстанции) для университета является епископ Парижский, что подтверждено еще ордонансом Филиппа II Августа. Университет находится

⁴² Дело, касавшееся «луга клириков» (Пре-о-Клер), отзывалось болью для университетского сознания: в 1557 г. попытки отчуждения университетской земли привели к студенческим волнениям, и с тех пор университет готов был отстаивать свою территорию от покушений алчных застройщиков ([*La Ramée P., de*]. 1557).

⁴³ *Loisel A.* 1605, fol. 22v.

также под властью канцлера кафедрального собора Парижа, который, выступая в данном случае как викарий папы, силой апостолической власти дает право магистрам всех факультетов читать и преподавать повсюду⁴⁴. Когда Бонифаций VIII, по словам Луазеля, покусился на светские прерогативы французского монарха, он угрожал духовенству и университету, отозвав себе полномочия и статус канцлера. Впрочем, вскоре эти полномочия были возвращены канцлеру папой Бенедиктом XI. Определенной властью в университете обладает канцлер аббатства Сент-Женевьев, и два хранителя Апостолических привилегий⁴⁵. Луазель приводит мнение Кома Гимье, президента Палаты расследований Парижского Парламента, что Парижский университет является не просто церковным, но папским и апостолическим учреждением, обязанным всеми привилегиями римским понтификам⁴⁶.

Что касается ректора, которого считают главой университета, то он, являясь главным магистратом университета, уже по этой причине должен быть неженатым клириком. Но эта должность, повторяет Луазель, не столь древняя, как должность канцлера. Ведь должность ректора появляется лишь в конце правления Людовика Святого, а ранее «ректором» могли называть любого

⁴⁴ Речь идет о *licentia ubique docendi* (право преподавать где бы то ни было) – самой главной и самой древней университетской степени. Канцлер выдавал ее *ex auctoritate Apostolica*, но по представлению комиссии магистров, экзаменовавших кандидата.

⁴⁵ Поскольку еще в XII в. парижские школы расположились на Левом берегу, на землях, принадлежавших аббатству св. Женевьевы, то разрешения на преподавание магистры получали от канцлера этого аббатства. Канцлер сохранил часть этих прав в отношении магистров искусств и в более позднее время. Хранителей привилегий, дарованных папой, университет выбирал сам, обычно ими были епископы Санлиса и Бове.

⁴⁶ Президент Палаты расследований Парижского парламента Ком Гимье, живший на рубеже XV и XVI вв. (умер он в 1503 г.), был автором «Комментариев к Прагматической санкции и Конкордату», впоследствии часто цитируемых юристами.

преподавателя, читающего свой курс. Итак, заключает Луазель, все, кто обладает властью над университетом, суть клирики. Парижский прево, являясь лишь хранителем королевских привилегий, дарованных университету, скорее его слуга, чем глава: прево приносит присягу университету, а не наоборот.

Большинство университетских зданий расположены на церковных землях, принадлежащих парижскому капитулу, аббатствам Сен-Виктор, Сент-Женевьев, Сен-Жермен-де-Пре и другим монастырям, и коллегиям с их капеллами. Все ассамблеи университета проходят в церковных зданиях: в церкви Сен-Жюлиан-ле-Повр, где избирают ректора, в монастыре матюринцев, в коллегии бернардинцев и в других освященных зданиях. Свои лицензии магистры получают либо в монастыре Сент-Женевьев, либо в епископском дворце, где изначально и размещалась парижская школа.

Наконец, именно защищая церковь, университет одержал главные свои победы. Луазель, сравнивая их с подвигами Геракла, начинает их описание с победы над Петром Абеляром, поскольку это произошло в ту пору, когда «парижская школа пребывала еще в колыбели». Прибыв в Париж, не для того, чтобы, как другие, учиться, но чтобы учить самому, Абеляр не только «совратил Фульбертову дочь (sic!) Элоизу, ученую во всех языках и науках, воистину чудо своего века и всей французской нации, но начал сеять ошибочные мнения»⁴⁷. Адвокат пересказывает историю злоклучений Абеляра, подчеркивая роль парижских магистров, которым удалось при помощи св. Бернарда дважды добиться осуждения Абеляра на соборах в Суассоне и Сансе. Далее Луазель вспоминает об осуждении Гилберта Порретанского – критиковать его начали парижские магистры, прежде всего Адам с Малого Моста (Parvipontanus). Подробнее излагается дело Амори Бенского: по представлению университета он был осужден Иннокентием III, но поскольку осуждение со-

⁴⁷ *Loisel A.* 1605, fol. 26.

стоялось уже после смерти Амори, то были вырыты и сожжены его кости. Среди побед университета Луазель числит и конфликт с нищенствующими орденами по вопросу о праве проповеди (сущность коллизии он, впрочем, излагает весьма невнятно). Для него важен результат: «и сегодня, во время торжественных процессий университета, когда проповедует один из его членов, все остальные проповедники города должны молчать, уступая место их матери и госпоже» университетской корпорации⁴⁸. Луазель явно не желает вдаваться в суть конфликта, в котором папство оказалось не на стороне университета, но обойти молчанием столь важную эпоху, невозможно. Пытаясь найти выход из положения, адвокат отмечает, что в ту пору произошло много примечательных событий, о каждом из них можно долго говорить, особенно о диспуте с представителями нищенствующих орденов. Это противостояние примечательно не только трудами Гийома из Сент-Амура и его сторонников, сочинением «Сон виноградаря», стихами и песнями, придуманными тогда⁴⁹, но и апологией, адресованной папе Александру IV. «Будучи вписанной в регистры университета, эта апология заслуживает того, чтобы показать нам сегодня, с какой мягкостью, милосердием и почтением власти как церковные, так и светские принимали участие в спорах по вопросам веры. Без резкостей, оскорблений и насилия, которые свойственны нам теперь, университет подчинился суждению святого отца, взяв нищенствующую

⁴⁸ *Loisel A.* 1605, fol. 28v.

⁴⁹ Гийом из Сент-Амура, главный противник нищенствующих монахов в Парижском университете, автор полемиического сочинения «*Tractatus brevis de periculis novissimorum temporum*» (Краткий трактат об опасностях новейших времен). О написанном во второй половине XIV в. «Сне виноградаря» (лат. «*Somnium viridari*»), франц. «*Songe du vergier*») еще будет идти речь на этом судебном процессе, а под «стихами и песнями» следует понимать поэтические произведения, написанные Рютбефом и Жаном де Меном в поддержку университета и Гийома из Сент-Амура (см.: *Уваров П.Ю.* 1982).

щих монахов под опеку, распространив на них все свои права и привилегии»⁵⁰.

Луазель вспоминает о борьбе университета с «Вечным Евангелием»⁵¹, отмечая, что об этом важном деле с большой элегантностью писал Жан де Мен, автор «Романа о Розе». Адвокат приводит оттуда стихотворный пассаж, где «Вечное Евангелие» называется чудовищем, от которого погиб бы весь мир, «если бы не надежная стража университета, главы христианства»⁵². К строкам «Романа о Розе», рассказывающих о быстром распространении опасной книги («в Париже не было никого – ни мужчин, ни женщин, кто не мог бы ее приобрести на паперти Нотр-Дам и не переписать ее, если пожелает»), Луазель дает исторический комментарий, поясняя, что до начала книгопечатанья книги выставлялись на площади перед собором, близ епископского дворца.

Шестой подвиг университета, как считает парижский адвокат, относится ко времени противостояния папы Бонифация VIII и французского короля Филиппа IV Красивого. Впрочем, Луазель вновь пропускает неудобный для его концепции эпизод, ведь папа, с точки зрения Парламента, выразителя королевских интересов, играет в нем неблагоприятную роль⁵³. Адвокат лишь отмечает, что когда

⁵⁰ *Loisel A.* 1605, fol. 29v.

⁵¹ «Introductorium in Evangelium Aeternum» (Введение в Евангелие Вечное) – эсхатологический трактат францисканца Герарда или Герардина из Борго-Сан-Доннино, осужденный Александром IV в 1255 г.

⁵² В современных изданиях этот пассаж выглядит иначе: «... университета, хранящего ключи от христианского мира». Луазель дает элементы текстологической критики: «в некоторых книгах вместо *chef* написано *clef*, то и другое почетно для университета и в обоих случаях полезно для нашего суждения о том, какая роль и функция была главной для этого университета» (*Loisel A.* 1605, fol. 29v).

⁵³ «Le sixiesme combat fut pendant les diferents du pape Boniface hictieme & le Philippe le Bel, lequel nous avons touché cy-dessus en parlant du Chancelier de cest Université, & qui est assez vulgaire,

король Филипп V созвал в Париже депутатов сословий, все принесли ему клятву верности, кроме университета, не имевшего обыкновения присягать светским властям. Луазель вскользь упоминает о коллизиях времен Филиппа V Валуа с участием Пьера де Кюиньера⁵⁴ и о книге «Сон виноградаря» – все это происходило при участии университета, к которому часто обращались во всех важных делах, особенно в правление Карла VI⁵⁵. В это время «университет был судьей и арбитром королей и государей, поучал пап, председательствовал на соборах, стоял у кормила корабля христианского мира во время схизмы и разделения между папами»⁵⁶. Все подвиги университета, по мнению адвоката, носят духовный характер. Когда Людовик XI пожелал составить списки студентов, дабы сделать из них солдат, ректор Гийом Фише этому противостоял столь доблестно, что заслужил похвалу папы Пия II. Среди героических деяний университета Луазель называет и сопротивление решению Людовика XI об отмене Прагматической санкции, и борьбу с новыми религиозными течениями при Франциске I, и несогласие с условиями Болонского конкордата, и конфликт с иезуитами. «И такие баталии будут вестись всегда, пока миряне хотят сделаться клириками, а клирики мирянами, что приводит к смешению чинов и состояний, установленным повсюду в христианском мире, а в особенности в этом королевстве. Университет же, участвуя в делах, служащих церкви Иисусовой, а не мирским заботам, должен считаться скорее духовной корпорацией, чем

qui sera cause que nous n'en dirons rien davantage» (*Loisel A. 1605, fol. 30v*).

⁵⁴ Пьер де Кюиньер – см. также: *Уваров П.Ю.* 2013, 370-372.

⁵⁵ Луазель намекает на участие университета в политической борьбе на стороне тех сил, которые проиграют: от участия в восстании кабошьенов и поддержки партии бургиньонов до горячего одобрения англо-французской «двойной монархии».

⁵⁶ *Loisel A. 1605, fol. 32.*

светской»⁵⁷. О церковном характере университетской корпорации говорит и тот факт, что раз в три месяца ректор возглавляет процессию клира университетских церквей⁵⁸ на Пре-о-Клер, где «некогда читались проповеди на всех языках». Во времена Луазеля «луг клириков загрязнен и осквернен ссорами, драками и поножовщиной». По мнению адвоката, именно те, кто настаивает на светском характере университета, и превратили его «из поля Паллады в Марсово поле»⁵⁹. Для Луазеля важен порядок этой и других процессий: люди университета шествуют вместе с прелатами, а ректор – следом за епископом Парижа. Показателен и обычай благословения ярмарки Ланди, куда ректор является в сопровождении духовенства университетских церквей как «маленький епископ своего диоцеза»⁶⁰.

Возвращаясь к вопросу о юрисдикциях, Луазель отмечает, что Парламент, конечно, может судить дела, связанные с университетом, но только если речь идет о светском имуществе, переданном благотворителями. В регистрах Парламента нет постановления, определяющего светский характер университета. Напротив, при утверждении новой редакции Парижской кутюмы⁶¹ президент Парижского Парламента Кристоф де Ту в соответствии с обычаем выделил университету место среди клириков, между епископом и аббатами. «Воистину же

⁵⁷ *Loisel A.* 1605, fol. 33v.

⁵⁸ Речь идет о церквах, находящихся под патронатом университета, а также о капеллах коллегий.

⁵⁹ *Loisel A.* 1605, fol. 34. Помимо событий 1557 г., когда луг стал местом баталий, потом его облюбовали для проведения многодневных проповедей парижские кальвинисты, а еще позже он превратился в излюбленное место встречи дуэлянтов.

⁶⁰ *Loisel A.* 1605, fol. 34v.

⁶¹ Это произошло в 1580 г. Во главе с Кристофом де Ту над новым изданием кутюмы работали первоклассные юристы, в т.ч., кстати, и Этьен Паскье. Для утверждения областных кутюм созывалось подобие местной ассамблеи штатов – представителей сословий и чинов.

те, кто ради бенифиция с двумя сотнями ливров дохода идет против власти папы римского, причиняет своей alma mater великий ущерб, желая сорвать с нее драгоценное платье духовенства, чтобы переодеть в мирскую одежду и, поместив ее под светское ярмо, лишить достоинства, свобод и вольностей, которые были завоеваны ею и хранимы на протяжении многих веков»⁶², – так завершает свою речь Антуан Луазель.

На войне сторона, находящаяся в невыгодных условиях, может уравновесить свои шансы, внезапно применив оружие нового поколения. Таким оружием был новый метод исторической критики, осваиваемый эрудитами. При помощи Этьена Паскье Луазель разрушал базовые конструкции «каролингского», или королевского мифа университетской истории, служившего базой для аргументов Сервена. Вдумчивое чтение хроник, памятников университетской поэзии, и уставов позволило Луазелю предложить свою версию университетской истории. В этой версии кое-где сведения тоже противоречили друг другу, и Луазель это прекрасно понимал: иногда университет конфликтовал со Св. Престолом, как сам, так и в союзе с королями противостоя римскому понтифику. Луазель не фальсифицирует факты, он просто предпочитает умалчивать о неудобном. Его положение было сложным – приходилось отстаивать папские прерогативы перед Парламентом, чьи галликанские симпатии были ярко выражены, к тому же и сам Луазель, и его друг Паскье были рьяными защитниками галликанских вольностей от посягательств Рима. И Луазель исподволь демонстрирует приверженность этой позиции. Споря с тем, что своим возникновением университет обязан «шотландским» ученым, прибывшим в Париж при Карле Великом, адвокат приводит любопытное сравнение: «Говорить, что шотландцы или ирландцы принесли знание во Францию, все равно, как если бы через 500 лет [после нас] заявить, что иезуиты принесли образованность в Па-

⁶² *Loisel A.* 1605, fol. 36.

риж из Италии или Испании»⁶³. Намек на Общество Иисуса сразу же отсылал к процессу, который университет начал против иезуитов в 1564 г. На этом процессе адвокатом университета выступил в ту пору еще молодой Этьен Паскье. Вспомним, что Луазель отнес борьбу с иезуитами к числу университетских подвигов. Среди этих подвигов – сопротивление Болонскому конкордату 1516 г. и отстаивание Прагматической санкции, т.е. борьба за ограничение папских прерогатив. Странная позиция для адвоката, эти прерогативы защищавшего! Но надо помнить, что совсем недавно, в 1580 г., судьи Парламента поддержали попытку университета добиться от короля отмены конкордата⁶⁴.

Через пятнадцать лет в «Диалоге адвокатов» Луазель устами своего друга Этьена Паскье предложит считать родоначальником адвокатов Пьера Кюиньера. Молодежь удивилась, ведь в соборе Нотр-Дам этот адвокат XIV в. был представлен скульптурой смешного человечка, о чей нос женщины и дети тушили свои свечи: «По истине, вы оказываете нам великую честь, желая начать разговор об адвокатах курии с такого молодца!»⁶⁵. Однако Паскье объясняет, что такова была месть церкви смелому адвокату, оберегавшего права короля от папских посягательств. И именно этот Кюиньер упомянут Луазелем в рассказе о победах университета⁶⁶. Это не случайные оговорки, опытный адвокат недвусмысленно намекал на наличие общих ценностей с судьями Парламента и, шире, с галликански настроенной публикой.

Ответная речь Луи Сервена

Тридцатилетний адвокат Луи Сервен в отличие от пятидесятилетнего Антуана Луазеля не обладал ни опытом выступлений в залах Парламента, ни опытом занятий историей. Однако в своей ответной речи он концен-

⁶³ *Loisel A.* 1605, fol. 4v.

⁶⁴ *Ferret P.* 1900, 317.

⁶⁵ «par un tel galand» (*Loisel A.* 1844, 22).

⁶⁶ *Loisel A.* 1605, fol. 32.

трирует внимание не только на процедурных ошибках Пьера Тенрие, как обещал в конце своей первой речи. Приняв вызов, он тоже обращается к истории, углубляя свои экскурсы и стараясь чаще, чем прежде, приводить доказательства своих положений.

Сервен начинает свою ответную речь с похвалы Генриху III. «Под его предводительством мы надеемся достичь лучшей жизни, он поддерживает среди людей образованность, служащую средством от забвения. Он покровительствует словесности, которая заставляет оживать умерших. Хотя и немая, она оживляет людей и заставляет их говорить. Это его, короля, мы должны признать первым и главным патроном университета»⁶⁷. Оживить умерших – задача, достойная Жюля Мишле, французского историка-романтика 30–70-х гг. XIX в.⁶⁸ В какой-то мере Сервен выступает его единомышленником, развивая мысль о том, что если признаем основателем университета кого-нибудь другого, то проявим неблагодарность не только по отношению к Карлу Великому, «который по причине своей святой жизни канонизирован и память которого мы отмечаем в этом дворце»⁶⁹, но

⁶⁷ *Servin L.* 1639, 205.

⁶⁸ Широко известен пассаж Жюля Мишле о том, как он приходит в Национальный архив и начинает слышать ропот минувшего: «эти бумаги были не бумагами, но жизнями людей, провинций, народов <...> все жили и разговаривали, они окружали автора стоязыкой армией <...> Спокойнее, господа мертвецы, будем соблюдать очередь, пожалуйста! Все вы имеете право на историю. Индивидуальное хорошо как индивидуальное, общее — как общее <...>. И по мере того, как я вдыхал их пыль, я видел, как они пробуждаются. Они поднимали из могилы кто руку, кто голову, как в «Страшном суде» Микеланджело или в «Пляске смерти». Этот наэлектризованный хоровод, который они вели вокруг меня, я попытался воспроизвести в своей книге». (*Michelet J.* 1974, 613-614).

⁶⁹ 28 января отмечалась память Карла Великого, почитание которого насаждалось со времен Людовика IX. Строго говоря, святость императора можно было поставить под сомнение, поскольку

оскорбим и других королей. «И что бы сказал Людовик Заика, если бы он проснулся? Я слышу великого Гинкмара, архиепископа Реймса, стоящего рядом с ним и сетующего, что некто именует университет дочерью не короля, а кого-то другого»⁷⁰.

В своих исторических реконструкциях Сервен часто прибегает к доводам здравого смысла, использует доказательства от противного: «если не университет, то кто?» Гинкмар Реймский в одном из своих писем, адресованных императору Карлу Толстому, пишет о королевских педагогах и просит дать детям Франции справедливых магистров... «Но где их можно было, найти, если не в Париже?» «Перейдем к временам Гуго Капета и увидим, что Роберт, его наследник, был самым ученым из всех королей. Кто его сделал таковым? Университет, дочь его отца»⁷¹.

Но помимо такой традиционной аргументации Сервен в ответной речи чаще, чем в ходе первого выступления указывает источник своих сведений – сборник Ансегиза, в котором, как отмечает адвокат, можно найти законы Карла Великого о школах, а «из них родился прекрасный светоч мира – Парижский университет..., украшенный шотландскими учеными, наставниками, щедро вскормленными божественным милосердием, все это мы читаем у Гагена»⁷². Приводит Сервен и

ку он был канонизирован Пасхалием III, антипапой, возведенным на Св. Престол Фридрихом Барбароссой. Рим не признавал этой канонизации. Однако сомнения Рима, судя по всему, не были фактом общественного сознания во Франции. В противном случае Антуан Луазель непременно использовал бы этот выгодный для себя аргумент.

⁷⁰ *Servin L.* 1639, 206.

⁷¹ *Servin L.* 1639, 206.

⁷² Роберт Гаген (1431 – 1501 гг.) – генерал ордена матюринцев, историк, представитель раннего французского гуманизма, большая часть жизни прожил в Париже.

свидетельство Бенжамена Наваррца⁷³, восхвалявшего иудейскую школу Парижа, но отмечавшего также, что при Людовике VII в этом большом городе было много ученых. Описав, как около 1150 г. в Париж прибыли многие доктора схоластики и канонического права, Сервен делает вывод, что основателями и покровителями Парижского университета был короли, их следовало признать и первыми его руководителями.

Отвечая Луазелю на вопрос о начальствующих над университетом, Сервен отмечает, что епископ Парижа и папа являются пастырями в духовных делах, но отнюдь не в делах имущественных. Канцлер же не является главой университета, его должность – должность схоластика, т.е. каноника, которому поручили руководить соборной школой. В Париже главой университета является только ректор, главный во всем, что касается школ и образования. Но поскольку ректор – мирянин, то он не может давать благословение, и когда школяры, пройдя испытания, становятся магистрами и полноправными членами университета, их специально представляют духовному лицу – канцлеру, чтобы он благословил их. Управление школами всегда было прерогативой ректора, и это зафиксировано в акте 1271 г., который можно найти в книге университета. Ректор – лицо светское, его избирают из числа магистров факультета свободных искусств, ему не обязательно иметь тонзуру. Ректор поддерживает порядок в университете, обеспечивает мир между нациями, инспектирует коллегии, отстаивает права университета в любом из судов. Но благословляет ли он ярмарку Ланди? «Этот обычай, – отмечает адвокат, – установился во времена Карла Лысого, сына (sic!) Карла Великого, второго из основателей парижской школы, в честь доставленных в Сен-Дени из Аахена реликвий. В первый день ярмарки

⁷³ Речь идет о Веньямине Тудельском, еврейском путешественнике XII в., чей труд был переведен на латинский язык и опубликован в 1575 г. в Антверпене.

ректор посещает ее, но не для благословения, а чтобы подтвердить право контроля над продажей пергамента, поступающего из Парижа и пригородов»⁷⁴.

Если ректор университета мирянин, так же как и король, глава университета, что же можно сказать о студентах? Если их называют «клириками», то это не делает их людьми церкви, потому что некогда так именовали всех христиан. В университете же, как и вообще во Франции, образованные люди любого статуса именуется клириками. Впрочем, Сервен делает важную уступку: «некогда, до реформы кардинала д'Эстутвиля, людей церкви в университете было много. Но сегодня мирян много больше, чем клириков, а о характере корпорации надо судить по-современному ее состоянию»⁷⁵. Признавая исторические аргументы Луазеля, адвокат стремится принизить их значение.

На патетическую финальную реплику своего оппонента Сервен находит не менее образный ответ: «противоположная сторона желает нарисовать портрет своей *alma mater* так, чтобы она не была похожа на себя саму», и Сервен предупреждает своих оппонентов, чтобы «их краски не лишили бы ее образ присущей ей простоты и открытости».

Вопреки Луазелю Сервен считает, что ни папа Александр III, ни тем более Иннокентий III не были основателями парижских школ. Ведь Иннокентий III был современником Филиппа II Августа, а как свидетельствует Винцент из Бове, в то время изучение наук уже так процветало в Париже, что сюда стекались люди со всей Европы, в т. ч. и в результате почестей, которые оказывал ученым этот король по примеру своего отца Людовика VII. В качестве доказательства Сервен приводит привилегию 1200 г., на которую ссылался и Луазель. Иннокентий III действительно написал королю несколько писем в поддержку студентов, и Сервен читал эти

⁷⁴ *Servin L.* 1639, 208.

⁷⁵ *Servin L.* 1639, 209.

письма в Книге ректора. Но и без просьб папы король делал для парижских школ столько, сколько не сделал ни один из государей, благосклонно относившихся к наукам. И Иннокентий III сам признавал, что король является основателем и хранителем университета, издающим ордонансы для упорядочения отношений между университетом и свои «добрым городом». То же делали и другие папы, и в качестве примера Сервен приводит выдержку из письма Григория IX от 1217 г., также обнаруженного им в Книге ректора.

Сервен нащупывает уязвимые места в концепции университетской истории, изложенной Луазелем в виде «подвигов Геракла». «Нам говорят, что нищенствующие монахи стали членами университета при Людовике Святом. Но утверждать такое можно, только если объявить ложью все истории, написанные в то время, и все регистры академии, из которых совершенно очевидно, что магистры всех факультетов и наций в университете изо всех сил препятствовали их включению в университет. И, несмотря на все успехи нищенствующих монахов, в особенности Фомы [Аквинского], их ордена так и не были приняты в лоно университета. Не пытались объединить их с университетом и короли. Так не делайте же наш университет нищенствующим!»⁷⁶ В университете много коллегий, основанных королями, государями и светскими сеньорами, и даже прелаты основывали коллегии за счет доходов сугубо светского происхождения. Сервен, напоминает, что Луазель сам приводил как образец скромности, мягкости и благочестия письмо университетских магистров папе Александру IV, но суть письма состояла как раз в жалобе на членов ордена доминиканцев. Они обосновались на улице Сен-Жак, на землях, принадлежащих университету, и затем предприняли много деяний против университета, стремясь захватить как можно больше кафедр. В письме, в 1255 г. адресованном папе Александру IV и скрепленном печатями четырех наций, школяры

⁷⁶ *Servin L. 1639, 211.*

уподобили университет обломкам кораблекрушения⁷⁷, и об этом тоже можно было прочитать в Книге ректора.

Далее Сервен излагает историю, найденную им в рукописи из библиотеки обители Сен-Виктор: 1431 г. папа Евгений IV, поддерживавший нищенствующие ордена, издал буллу, согласно которой монахи допускались к получению лицензии на факультете теологии. Но буллу отвергли не только доктора университета, но и братья нищенствующих орденов, понимая, что они не принадлежат «телу университета». Эта идея отражена в клятве ректора. Адвокат сообщает, что нашел слова этой клятвы «в книге Жана Филессака, который был ректором, когда я впервые занялся этим делом»⁷⁸. Таким образом, Сервен не только усиленно подкрепляет свою аргументацию источниками, но отчасти знакомит публику с ходом своих исторических штудий.

Немалую сложность представляло собой приведенное Луазелем свидетельство, что университет не принес присягу королю Филиппу V. Здесь Сервен перехватывает у Луазеля приемы исторической критики: «О том, что университет не присягнул королю, повествует лишь хроника монаха из Сен-Дени, но другие данные этого не подтверждают, хотя если бы такое странное деяние имело место, оно стало бы известно во всем мире. Сообщение хрониста противоречит всему, о чем он же повествует. Но даже если бы это и было

⁷⁷ «reliques de la dispersion, & bris du naufrage» (*Servin L.* 1639, 212).

⁷⁸ Жан Филессак был избран ректором 24 марта 1586 г. В дальнейшем он станет видным деятелем факультета теологии, бесменным деканом, всегда проявлявшим интерес к университетской истории. Скорее всего, Сервен ознакомился с хранившейся у него в это время Книгой ректора. Однако возможно, что речь идет о какой-то иной книге, составленной самим Филессаком, который слыл большим знатоком и любителем университетской истории. В период, когда он занимал пост ректора, он одержал победу над корпорацией пергаменщиков, пытавшихся оспорить право университета на контроль в этой сфере (*Du Boulay C.E.* 1673, 786; *Crevier J.B.L.* 1761, 382).

на самом деле, то оно не доказывает церковный характера университетской корпорации, в противном случае университет присягал бы вместе со всем сословием духовенства. Маловероятно, чтобы папа Иоанн XXII, сам француз, хорошо знакомый с законами королевства, побуждал бы школяров к неповиновению. Если и нашелся среди магистров какой-то упрямец, отказавшийся присягать королю, то им мог кто-нибудь из сторонников герцога Бургундского, враждебного Филиппу Длинному»⁷⁹.

Сервен множит исторические примеры о роли светских лиц в университете. Ему особенно важен период середины XIV в. (тогда университет заключил договор с аббатством Сен-Жермен-де-Пре): в это время в университете учился будущий император Карл IV, король Богемии, ученейший человек, знавший пять языков, еще большим другом университета был король Карл V, и в сочиненном по его приказу «Сне винограда» университету возносится высшая хвала. Королевским ордонансом 1366 г. университет был освобожден от налогов, пошлин и субсидий, и это, по мнению Сервена, еще раз доказывает, что он не имел церковного характера, иначе не понадобились бы особые привилегии, ведь тогда бы университет, как и все духовенство не платил бы налогов. В 1405 г. Жан Жерсон в своей знаменитой речи «*Vivat rex*»⁸⁰ «назвал университет королевской дочерью, матерью ученья, солнцем Франции»⁸¹.

Сервен намеренно подробнее останавливается на том, что у Луазеля сказано скороговоркой. При Карле VI в 1406 г. университет через Парламент потребовал подтверждения свобод галликанской церкви. Заслугой уни-

⁷⁹ *Servin L.* 1639, 214. «Я не настаиваю более на этом моменте, поскольку на нем более подробно остановился королевский адвокат, начавший свое выступление с указания на то, что университет обязан повиноваться королю дочерним повиновением» (*Ibidem*).

⁸⁰ В 1561 г. вышло 1-е издание этой речи, в 1586 г. — 2-е издание.

⁸¹ *Servin L.* 1639, 215.

верситета и доказательством его процветания при Карле VII служит подписание в Бурже Прагматической санкции. Без университета и его воспитанников галликанская церковь была бы погублена, ведь папа Пий II добился согласия Людовика XI на отмену Прагматической санкции. При Франциске I, когда был заключен Болонский конкордат с папой Львом X, университет отстаивал свое право представлять образованных людей для наделения их вакантными бенефициями. Поэтому заслуги университета касаются, прежде всего, сохранения галликанской церкви и порядка в королевстве. «Что же касается заслуг теологов в борьбе с еретиками и схизматиками, то эту честь им надо разделить с другими факультетами... Не только Геракл одерживал подвиги, побеждая чудовищ, но и многие другие не менее доблестные герои»⁸².

Возвращаясь к праву патроната, Сервен дополняет свой тезис о том, что земли аббатства изначально принадлежали королю и по соглашению 1345 г. был восстановлен их статус, они вернулись в руки монарха, вернее – его любимой дочери, Парижского университета. Помимо дарения Хильдеберта, адвокат ссылается на грамоты Карла Лысого, Филиппа II Августа⁸³, Людовика Святого (1270) и Филиппа III (1272). Согласно последней, аббату передавалась юрисдикция над землями, на которых были построены церкви Сент-Андре-дез-Ар и Сен-Ком-э-Сен-Дамиан. В осуществлении прав, делегированных королем, университет, таким образом, заменял прежнего владельца. И договор 1345 г. между университетом и аббатством никак нельзя назвать незаконной сделкой, якобы имеющей характер симонии. Это была не продажа церковного бенефиция за деньги, но обмен прав, имеющих светское происхождение. «И если папа сможет назначать кюре в церкви, находящиеся под па-

⁸² *Servin L.* 1639, 215.

⁸³ Правда, даты были названы неверно – 670 и 1129 гг. (*Servin L.* 1639, 216).

тронам университета, то академия лишится одного из самых важных своих прав»⁸⁴, заключает Луи Сервен.

Решающую роль в победе Жана Амийтона сыграли по всей видимости не столько исторические аргументы Сервена, сколько доказательства серьезных нарушений, допущенных Версорисом и Тенрие. Но трудно не заметить, что Сервен в своей ответной речи значительно вырос как историк. Он сохраняет апелляцию к «здоровому смыслу» и порой перегружает свое выступление риторическими восклицаниями, однако теперь гораздо чаще указывает источники своих сведений: сочинения историков гуманистического направления, хроники, самые неожиданные свидетельства современников, например, Вениамина Тудельского, а также излюбленные тексты университетской традиции – «Сон виноградаря», проповедь Жерсона «*Vicat rex!*» и др. Сервен уступает Луазелю в искусстве исторической критики и в самой историчности мышления, но есть у него и козырь – он гораздо лучше оппонента знаком с собственно университетскими источниками. Он ссылается на Книгу ректора, подчеркивает, что смотрел цитируемые документы сам. Судя по всему, речь шла о своеобразном университетском картулярии, хранящемся в Наваррской коллегии. Так, благодаря описи университетских архивов, составленной в 1623 г. Николя Кентеном (*Nicolas Quintaine*), нам известно, что булла Григория IX, на которую ссылался Сервен, действительно имелась только в Книге ректора⁸⁵. Доступ к этому архиву был ограничен, его имел ректор и секретарь университета (*greffier*), возможно, прокуроры наций и некоторые другие должностные лица университета. Сервен ссылался на Жана Филлесака, который ознакомил адвоката со «своей книгой». Но это могло быть только в ходе подготовки первой речи, поскольку полномочия Филлесака истекли в

⁸⁴ *Servin L.* 1639, 219.

⁸⁵ *Bibl. de la Sorbonne*, MSAU 103, A 20 O : *Bulle de Grégoire IX* « cette bulle est au livre de M. Le recteur, fol. 8 ».

мае. Свою ответную речь Сервен готовил летом, и именно для нее понадобилось тщательное знакомство с документами. Если Луазель мог опереться на помощь своего друга Паскье, то кто помогал Сервену?

Луазель был адвокатом Жана Амильтона, выступавшего как частное лицо. Однако его иск был поддержан Парижским университетом. В сборнике Л. Ле Карон Ле Шаронда, составленном спустя 10 лет после процесса, упоминается, что помимо Сервена и Луазеля в суде выступал и адвокат Шоар⁸⁶. Жак Шоар был одним из присяжных адвокатов Парижского университета (*avocat juré de l'Université*), служивший корпорации уже не менее четверти века. Правда, в тех случаях, когда история доносит нам свидетельства о его деяниях, они оказываются не очень удачными. В 1564 г. он не принял участие в процессе, начатом университетом против иезуитов, предоставив эту честь Этьену Паскье, в 1570 г. безуспешно отстаивал интересы обладателей университетских степеней, обделенных вакантными бенефициями в архидиаконате Руана (его противником был могущественный кардинал Лотарингский, занимавший архиепископскую кафедру Руана)⁸⁷, в 1579 г. Шоар представлял университет в иске против Рош ле Баифа, медика, сторонника методов Парацельса, и опять неудачно⁸⁸. И только однажды его имя упомянуто в связи с процессом, выигранным университетом, – о предоставлении бенефиция обладателю университетской степени⁸⁹. Во всяком случае, опыта и университетских связей Жаку Шоару было не занимать, и он вполне мог помочь коллеге поработать с университетскими архивами. Возможно, что Сервен и сам работал с источниками, но – обратим внимание – демонстрировать свои изыскания он стал лишь после атаки Луазеля.

⁸⁶ *Le Caron Le Charondas L.* 1596, 721.

⁸⁷ *Crevier J.L.B.* 1761, 181, 251.

⁸⁸ См.: *Kahn D.* 1998, 161-162. Любопытно, что на стороне Рош ле Баифа умело выступал Этьен Паскье.

⁸⁹ *Louet G., Brodeau J., eds.* 1712, 384.

Трудности контекстуализации

Было бы упрощением рассматривать процесса Амальтона–Тенриэ как столкновение ученой и неученой или научной и ненаучной точек зрения на проблему происхождения университета. Все было гораздо сложнее. Очевидно, что по ряду вопросов адвокаты демонстрировали наличие консенсуса. Оба делали все возможное, чтобы подчеркнуть свою преданность университету, желание наилучшим образом защитить его привилегии и подчеркнуть его роль в истории страны и всего христианского мира. Оба демонстрировали приверженность галликанским вольностям церкви, согласие по поводу важнейших вех университетской истории, ссылались на один и тот же авторитетный набор памятников университетской культуры. Но именно общность их взглядов мешает вынести социально-политический диагноз рассмотренной коллизии. Ее непросто вписать в «большой исторический нарратив», как того требуют каноны социальной истории. Попробуем сформулировать условие задачи.

Дано: одна сторона выступает с идеей приоритета папы в университетских делах (назовем их «папистами»), желает представить всех студентов и магистров клириками; другая сторона, утверждая, что король является источником всех благ в университете (назовем их «роялистами»), настаивает на секуляризации университетской жизни. Известно, что в Париже плетет сети своего заговора Католическая лига, и через два года (12 мая 1588 г.) вспыхнет мятеж, итогом которого станет отрешение монарха от власти лигерами, причем Парижский университет вынесет постановление о законном свержении «тирана Генриха Валуа».

Вопрос: На чьей стороне в грядущем политическом конфликте выступят участники судебного процесса 1586 года?

Ответ: логичное предположение, что «роялисты» поддержат короля, а «паписты» встанут на сторону Католической лиги, категорически неверно.

Жан Амилтон, прославлявший королевскую щедрость, станет одним из самых непримиримых лигёров. Он – единственный из вождей Католической лиги, кто в марте 1594 г. попытается организовать сопротивление вступившему в город новому королю и в числе немногих не подпадет под королевскую амнистию и будет навечно изгнан из страны⁹⁰. Впрочем, в компании лигёров-изгнанников окажется и упомянутый Сервенем в его первой речи Кристоф Обри, который в 1584 г. по представлению нормандской нации университета стал кюре церкви Сент-Андре-дез-Ар. Признание королевской супрематии над университетом отнюдь не предполагало, таким образом, устойчивости роялистских симпатий.

О судьбе Тенрие мне ничего не известно, но «папист» Луазель, как и его друг Паскье, покинет лигёрский Париж, связав свою судьбу с Парламентом, собираемым королем в Туре из числа бежавших из Парижа судей. В дальнейшем Паскье и Луазель станут непримиримыми борцами с «духом Лиги» и горячими приверженцами королевского галликанизма. «Роялист» Луи Сервен на Генеральных Штатах в Блуа (1588 г.) выступит на стороне Лиги. Впрочем, особого успеха среди лигёров он не снискал, по-видимому, сказалось то, что в прошлом он был протестантом. Вскоре, примкнув к королевскому лагерю, он получит должность королевского адвоката в уже упоминавшемся Турском Парламенте и сохранит свою должность после возвращения Парламента в Париж. Выступая как страстный противник иезуитов и защитник галликанизма, Сервен навлечет на себя гнев Св. Престола. 19 марта 1626 г., во время «ложы правосудия» Людовика XIII в Парламенте, королевский адвокат Сервен подаст королю ремонстрацию с жалобами на новые налоги.

⁹⁰ См.: *Descimon R., Ruiz Ibáñez J.J.* 2005.

Это вызовет столь сильный гнев короля, что Луи Сервен скончается в тот же день, не перенеся потрясения.

Подобные жизненные траектории выглядят парадоксальными только для тех, кто предпочитает читать историю с конца. Тогда же, в 1586 г., политические страсти еще не заглушили ни профессиональных забот адвокатов, ни приверженности их к тому самому широкому консенсусу.

Тьерри Амалу хорошо показал, каким образом борьба за сохранение привилегий (города, корпораций, университета) против все возрастающих посягательств со стороны королевской власти, органично вписывалась в движение Лиги⁹¹. Он следует за теми историками, которые рассматривают Лигу как реакцию традиционных социальных структур, на разрушительные социально-политические инновации – таковой, в частности, воспринималась все разраставшаяся практика *vénalité des offices*, но также и узурпация кланами влиятельных горожан церковных бенефициев⁹². Отметим, кстати, что тактика Луазеля (в той мере, в какой можно судить по намекам Сервена) строилась не на защите семьи Версорис, считавших церковь Сен-Ком-э-Сен-Дамиан своей, а на обосновании прав скромного священника Тенрие, пострадавшего от своекорыстия предыдущего кюре. И когда Луазель пускается в морализаторские рассуждения о нравах, царящих ныне на Пре-о-Клер, или настаивает на усилении клерикального характера университетской среды, подчеркивает успехи университета в искоренении ересей как прошлых, так и настоящих, он действует вполне в духе ожиданий парижского общества времен Контрреформации (или, как говорят сейчас, конфессионализации)⁹³.

Если и искать в процессе 1586 г. зерна будущих коллизий, то речь надо вести о конфликте факультета теологии с факультетом свободных искусств, декана с

⁹¹ Amalou T. 2009, 145-166.

⁹² Amalou T. 2013, 77-116.

⁹³ См.: Verger J. 1976, 61-62.

ректором, или, если употреблять метонимию – Сорбоннской коллегии с коллегией Наваррской. Скрытое соперничество, до поры заслоняемое борьбой с общими врагами: протестантами, иезуитами, королевскими покушениями на университетские привилегии и собственность (тот же казус с Пре-о-Клер), попытками провести радикальную реформу коллегий, в середине XVII в. выльется в открытый конфликт. И оружием в этом конфликте будет история. Тьерри Амалу предполагает, что ради этого ректоры и решили составить опись университетских архивов, а университетский секретарь С. Э. Дю Буле предпримет гигантский труд – напишет на латыни 6 томов «Истории Парижского университета» (*Historia universitatis parisiensis*; изд. в 1665 – 1673 гг.), причем первый том, насчитывающий около тысячи страниц in-folio, будет посвящен периоду до XII в.⁹⁴ Тем самым подкреплялась версия каролингского происхождения Парижского университета, что, согласно проявившейся на процессе 1586 г. дихотомии, означало укрепление позиций факультета свободных искусств (не случайно теологи подвергнут осуждению первые три тома «Истории...» Дю Буле⁹⁵). Но, помимо цезурных запретов, не менее действенным оружием в руках теологов оказалась хорошо аргументированная концепция эрудитов, в первую очередь Этьена Паскье. В первом французском энциклопедическом словаре А. Ла Фюретьера, опубликованном в 1690 г. (работа над ним велась, однако, с середины XVII в.) в статье «Университет» приводятся обе версии происхождения Парижского университета, хотя предпочтение явно отдается датировке Паскье. В начале XVIII в. пассаж Ла Фюретьера был дословно воспроизведен в иезуитском

⁹⁴ Verger J. 2005, 493-504.

⁹⁵ [*Facultas Theologicae Parisiensis*]. 1667. Впрочем, во времена Католической Лиги популярный проповедник, активный лигёр Жан Буше, член факультета теологии, неоднократно в тех или иных вопросах прикрывался авторитетностью «каролингского мифа» – см. Amalou T. 2013, 101-102.

словаре Треву. Судя по всему, именно словари обеспечили перевес в общественном мнении эрудитской версии. У нас есть убедительное доказательство от противного. Преемник Дю Буле, Ж.Л.Б. Кревьё, в 1761 г. публикует по-французски «Историю Парижского университета» в 6 томах. Во вступлении он заявляет, что своей задачей он видит составление облегченного и более доступного широкой публике варианта труда Дю Буле. Как и предшественник, Кревьё был тесно связан с факультетом свободных искусств и, как и положено «артисту», он начинает отсчет университетской истории со времен Карла Великого. Но если в издании XVII в., чтобы добраться до XII столетия, надо было прочитать весь солидный том in-folio, то в «Истории Парижского университета» Кревьё читатель оказывался в XII в. уже на странице 81 малоформатного издания.

Интересно, верил ли сам Кревьё, вполне профессиональный историк, в каролингское прошлое университета? Верил ли в старую легенду Луи Сервен, знакомый с трудами эрудитов? Возможно, что и нет. Но и для Сервена, и для жившего два века спустя Кревьё задача установления выверенной даты отступала на второй план перед необходимостью подкрепить ценность мифа о происхождении корпорации, коль скоро этот на этом мифе крепилась социально-политическая идентичность. В XXI в. многие историки поступают примерно так же.

Литература

Серегина А.Ю. 2013: Английские католики и светский церковный патронат // Средние века. М.: Наука. Вып. 74 (1–2). С. 104–123.

Уваров П.Ю. 1982: Парижский университет XIII – нач. XIV в. и общественная жизнь средневекового французского города (по франкоязычным университетским произведениям): Автореф. дис. на соискание уч. степени канд.ист. наук. М.

Уваров П.Ю. 2013: “Ordo advocatorum” в поисках своих героев: Сочинение Антуана Луазеля и забастовка в Парижском Парламенте в мае 1602 г. // Средние века. М.: Наука. Вып. 74 (3–4). С. 363–389.

- Amalou T.* 2009: Entre réforme du royaume et enjeux dynastiques. Le magistère intellectuel et moral de l'université de Paris au sein de la Ligue (1576–1594) // Cahiers de recherches médiévales. Vol. 18. P. 145-166.
- Amalou T.* 2013: Une Sorbonne régicide? Autorité, zèle et doctrine de la faculté de théologie de Paris pendant la Ligue (1588–1593) // Les universités en Europe (1450–1815) / Association des historiens modernistes des universités françaises. Paris: Presses de l'université de Paris-Sorbonne. P. 77-116.
- Louet G., Brodeau J., eds.* 1712: Recueil de plusieurs arrests notables du Parlement de Paris. Paris: Charles Robustel. T. 2.
- Chenu J.* 1603: Cent notables et singulieres questions de droict decidées par arrests memorables des cours souveraines de France, parti d'iceux prononcez en robe rouge. Paris: Jean Fouet.
- Cloulas I.* 1958: Les aliénations du temporel ecclésiastique sous Charles IX et Henri III (1563–1587) // Revue d'histoire de l'Eglise de France. Vol. 44, N 141. P. 5-56.
- Crevier J.B.L.* 1761: Histoire de l'Université de Paris, depuis son origine jusqu'en 1600. Paris: Desaint & Saillant. T. VI.
- De Ferrier Cl.* 1686: Des droits de patronage et presentation aux benefices. Paris: Denis Thierry.
- Descimon R., Ruiz Ibáñez J.J.* 2005: Les ligueurs de l'exil: Le refuge catholique français après 1594. Paris: Champ Vallon.
- Du Boulay C.E.* 1673: Historia Universitatis Parisiensis, ipsius foundationem, nationes, facultates, magistratu, decreta, etc., cum instrumentis, publicis et authenticis a Carolo M. ad nostra tempora ordine chronologico completens. Paris: F. Noel et P. de Bresche. T. VI. [*Facultas Theologicae Parisiensis*]. 1667: Censura Facultatis Theologicae Parisiensis in eandem historiam. Paris.
- Ferret P.* 1900: La faculté de théologie de Paris et ses docteurs les plus célèbres, époque moderne. Paris: Picard. T. I.
- [Hamilton J.]*. 1586: Ad amplissimum senatum pro retento Academiae jure in causa Hamiltonii cum de nominando Curione D. D. Cosmae et Damiani ageretur, gratiarum Actio. Paris: Denis Du Pre.
- Kahn D.* 1998: La Faculté de médecine de Paris en échec face au paracelsisme: enjeux et dénouement réels du procès de Roch Le Baillif // Paracelsus und seine internationale Rezeption in der frühen Neuzeit. Beiträge zur Geschichte des Paracelsismus / Hrsg. von H. Schott, I. Zingue. Leyden: E. J. Brill. P. 161-162. (Brill's Studies in Intellectual History, vol. 86).

- [*La Ramée P., de*]. 1557: Harangue touchant ce qu'on fait les députés de l'université de Paris envers le Roy, mise en latin de François. Paris: A. Wechsel.
- Le Caron Le Charondas L.* 1596: Reponses de droict français confirmés par les arrests des cour souveraines Lyon: Thomas Soubron & Moysse des Prez.
- Loysel A.* 1587: De l'Université de Paris et qu'elle est plus ecclesiastique que seculaire. Paris: Abel l'Angelier.
- Loysel A.* 1605: De l'Université de Paris et qu'elle est plus ecclesiastique que Seculiere // La Guyenne de M. Ant. L'Oisel, qui sont huit remonstrances faictes en la Chambre de Justice de Guyenne sur le subject des édicts de pacification. Plus une autre remonstrance sur la Reduction de la ville & Restablissement du Parlement de Paris. Avec l'extrait d'un Plaidoyer de l'Université. Paris: Abel L'Anglier. P. 346-377.
- Loisel A.* 1844: Pasquier, ou dialogue des avocats du Parlement de Paris / Ed par A. Dupin. Paris: Videcoq père et fils, éditeurs.
- Lusignan S.* 1999: "Verité Garde le Roy" La construction d'une identité universitaire en France (XIIIe-XVe siècle). Paris: Publication de la Sorbonne.
- Michelet J.* 1974: Histoire de France, Livre IV // *Idem.* Œuvres complètes / Ed. P. Viallaneix. T. IV. Paris: Flammarion.
- Papon J.* 1583: Secrets du troisième et dernier notaire. Lyon: Jean de Tournes.
- Pasquier E.* 1581: Les recherches de la France, livre premier et second. Paris: Gilles Robinot.
- Pasquier E.* 1621: Les recherches de la France... augmenté en ceste dernière de trois livres entiers. Paris: Lauren Sonnius.
- Servin L.* 1586: Plaidoyé de maistre Loïs Servin, advocat en parlement, pour maistre Jean Hamilton escossois, licencié en la Faculté de theologie, présenté par l'université de Paris, pourveu de la cure de S. Cosme & S. Damien. Paris: Adrien Perrier.
- Servin L.* 1629: Actions notables et playdoyez de messire Louis Servin, conseiller du Roy en son Conseil d'Etat, et son Advocat general en sa Cour de Parlement. Rouen: Louis Loudet.
- Servin L.* 1639: Plaidoyé et Arrest, pour Maistre Jean Hamilton, présenté par l'Université de Paris en la Cure de Saint Come, contre Maistre Pierre Terrier, soy disant pourveu en Cour de Rome, par resignation de feu Maistre Claude Versoris. Playdoyé et arrest de la cour de parlement donné en grand chambre // Actions

notables et playdoyez de messire Louis Servin. Paris: Estienne Richer, P. 189-219.

Tournet J. 1631: Arrests des cours souveraines de France, donnez en matière beneficiales. Paris: Pierre Billaine. T. 2.

Verger J. 1976: Les universités françaises au XVe siècle: crise et tentatives de réforme // Éducation et Culture. n° spécial des «Cahiers d'Histoire». P. 43-66.

Verger J. 2005: Charlemagne fondateur de l'université de Paris. Les ultimes avatars du mythe de la translatio studii dans l'Historia Universitatis Parisiensis de C.-É. Du Boulay // Famille, violence et christianisation au Moyen Age. Mélanges offerts à Michel Rouche / Dir. M. Aurell et Th. Deswarte. Paris. P. 493–504. (Cultures et civilisations médiévales, 31).

Yardeni M. 1966: L'Ordre des avocats et la grève du barreau parisien en 1602 // Revue d'histoire économique et sociale. Vol. IV. P. 481-507.